

квартал не был выполнен на 73,7%, четвертый – на 97,4%, первый квартал 1933 г. – 84,8% (13). Мобилизация средств населения в 1933 г. в Уральской области составила: по сельхозналогу – 21900; по самообложению – 22755; по подоходному налогу с физического лица – 27500; по отчислениям от культсбора – 18000; от окладного страхования – 3600; от государственных займов – 21200; от единовременного налога – 1000 руб. (14).

Налоговая политика в конце 1920-х – начале 1930-х гг. была подчинена задаче стимулирования коллективизации, то есть увеличению темпов колхозного строительства и ликвидации кулацко-зажиточных хозяйств.

1. Цит. по: Глебов А.Н. Сельхозналог 1928 года в Уральской области как средство решения хлебозаготовительного кризиса // Урал на пороге третьего тысячелетия. Екатеринбург, 2000. С. 148.

2. Цит. по: Там же.

3. Цит. по: Гришанов В.П. Экономическое наступление на кулачество в Свердловском округе накануне сплошной коллективизации // Из истории сельского хозяйства Урала. Свердловск, 1973. С. 35.

4. Цит. по: Глебов А.Н. Указ. соч. С. 149.

5. ГАСО. Ф. Р-1939. Оп. 1. Д. 1. Л. 201.

6. Хироси Окуда. Самообложение 1928-1933 гг.: к вопросу о последнем этапе русской крестьянской общины // History of the Russian Peasantry in the 20th Century (volume 1). Токуо, 2002. С. 102-103.

7. Буртина Е. Коллективизация без «перегибов». Налоговая политика в деревне в 1930-1935 годах // Октябрь. 1990. № 2. С. 168.

8. Там же. С. 162.

9. Там же.

10. Там же. С. 168.

11. Там же. С. 169.

12. Там же. С. 169.

13. ГАСО. Ф. Р-1939. Оп. 1. Д. 1. Л. 208.

14. Там же.

Земцов В.Н. (Екатеринбург)

Куда исчезает «микроистория»? (размышления о «незатухающем» споре вокруг московского пожара 1812 года)

Эпоха постмодернизма, «вошедшая» в отечественную историческую науку в конце XX в., привела к таким методологическим сдвигам, которые, при всей своей схожести на аналогичные процессы в западной историографии, несут неизбывную печать русской особенности. Так и «микроистория», родившись в рамках западноевропейской и американской культурно-исторической антропологии, не только приобрела в России национально-своеобразные формы и даже обнаружила национальные истоки своего существования в работах отечественных авторов начала XX в., но и демонстрирует неожиданную траекторию своей эво-

люции в начале XXI в. Вышедший в 2003 г. очередной номер альманаха «Казус», возникшего в середине 90-х гг. как первый и, фактически, единственный центр по разработке «микроисторических» проблем, продемонстрировал заметный отход от своего «классического» образца, созданного в свое время с ориентацией на труды К.Гирца, Б.Лепти и К.Гинзбурга.

«Подлинный «исторический казус» не скрывается во тьме веков... - провозглашают нынешние редакторы альманаха М.А.Бойцов и И.Н.Данилевский, - «Индивидуальное» или «уникальное» не предуготовано нам заранее – оно рождается впервые только в сознании историка». А далее редакторы предлагают обратиться к той сфере исторических поисков, которая сегодня чаще всего называется «интеллектуальной историей».

Такой разворот в осмыслении «микроистории» вполне объясним. Когда мы сегодня задаемся вопросом, в чем же причины появления самого феномена «микроистории», нельзя не отрешиться от мысли, что они связаны, прежде всего, с двумя моментами. Во-первых, с обострением чувства того, что четыре года назад П.Ю.Уваров назвал «основным инстинктом историка», то есть внутренне присущим историком стремлением осуществить, казалось бы, невозможную задачу – а именно, «воскресить» всех (именно всех) людей прошлого, без чего увидеть и пережить подлинное прошлое («как оно было на самом деле») просто невозможно. Во-вторых, с тем очевидным фактом, что сегодня, как блестяще подметила О.Дмитриева в «Казусе-2003», «биологическая смерть перестала грозить индивиду забвением, поскольку благодаря современным системам накопления электронной и цифровой информации, он оказался способен продолжить виртуальное существование и после своего физического исчезновения». «Более того, - продолжает Дмитриева, - оно (существование – В.З.) может оставаться достаточно «оживленным» за счет многообразных баз данных, в которых человек продолжает фигурировать, фотодокументов, видео- и аудиозаписей, сохраняющих его облик и голос, воспроизводящих движения и т.д.» Блестящие перспективы! Но тем более горше осознавать, что эти блестящие возможности, открывающиеся перед настоящим и будущим, мы не можем «опрокинуть» в прошлое. Прав, абсолютно прав И.Н.Данилевский, восклицающий, что «в микроисторических исследованиях историк далеко не всегда (точнее, почти никогда не) располагает достаточным количеством необходимой «микроинформации»». Более того, в любом тексте (в бартовском смысле) особый образ, к которому прибегает историк, является только порождением иного образа, да и сам историк, занимающийся «микроисторией», создает свой текст и «лепит» свой образ, еще более усугубляя этот эффект «зеркального отражения». И все-таки современного историка не может не искушать соблазн «набрать» такое количество «микрочасти-

чек» прошлого, которое максимально возможно на сегодняшний день и убедить окружающих (но не самого себя!), что он увидел историю такой, «какой она была на самом деле».

Одной из плодотворных тем, вокруг изучения которой вращается уже целая туча «микроосколков» исторического знания и не меньшее количество зеркальных отражений самих исследователей, пытавшихся разгадать смысл произошедших событий, является московский пожар 1812 года. Набросаем общую историографическую картину.

Еще в 1812 г., сразу после того, как первые известия о пожаре достигли Петербурга, родилась официальная русская версия о сожжении Москвы французами ради грабежа. Это давало возможность русским властям выставить Наполеона «современным Аттилой». Однако упорно циркулировала и другая версия, приписывавшая честь (или сомнительную честь) поджога столицы московскому главнокомандующему Ф.В.Ростопчину. Сам он, возвратившись в конце октября на пепелище древней столицы, чувствовал себя триумфатором и «опьяненный впечатлением момента...», склонен был приписать многое из того, что имело место, себе» (С.В.Бахрушин). «Неприятель, войдя в Москву, нашел в ней голод; оставляя ее – свое уничтожение, - писал он Александру I, - я спас империю и остался в убеждении, что Вы меня уважаете, ибо Бонапарт почтил меня своей ненавистью (приписал уничтожение Москвы действиям Ростопчина – В.З.». Однако позже Ростопчин стал отказываться от своих первоначальных утверждений, даже издав во Франции книгу «Правда о пожаре Москвы», утверждая, что пожар города был делом случая.

В 70-е гг. XIX в. Крупный русский историк А.Н.Попов, казалось бы, вновь совершенно доказал причастность Ростопчина к пожару столицы. В начале XX в. Это утверждение вновь подверглось сомнению (например, в работе А.Ельницкого). В 1936 г. Е.А.Звягинцев попытался совместить оба варианта объяснения поджога столицы. По его версии выходило, что Ростопчин несет долю ответственности за пожар, так как вывез из Москвы «все пожарные заливные трубы с прислугой и упряжкой». Но главными виновниками пожара, считал он, были солдаты наполеоновской армии, принявшие облик откровенных мародеров. В этих условиях деревянная Москва даже без поджога «должна была сгореть». В 60-е гг. Л.Г.Бескровный попытался усилить акцент на роли в московском пожаре солдат армии Наполеона. Это было оспорено В.М.Холодковским, который справедливо указал, что пожар ни в коем случае не был выгоден Наполеону. До известной степени разделил это мнение и П.А.Жилин, подчеркнув, однако, что русские уничтожали только военные объекты, а о преднамеренном сожжении Москвы не могло быть и речи. Прямо противоположное мнение попытался обосновать Н.А.Троицкий. Грандиозный пожар Москвы, считает он, был сознательно спланирован Ростоп-

чиным и М.И.Кутузовым. Хотя, пользуясь пожаром, французы начали грабеж, но ответственность за поджог все равно лежит на русском командовании и на градоначальнике, которые, помимо прочего, бросили в Москве на сожжение 22,5 тыс. раненых. Большой взвешенностью отличалось мнение А.Г.Тартаковского. Он считал, что Ростопчин, хотя и подготовил поджог, но не смог осуществить его в полном объеме. Кутузов воспрепятствовал этому, санкционировав уничтожение только военных объектов.

Поразительно, но в зарубежной литературе споров о причинах московского пожара практически не существует. Французские, а за ними немецкие и англо-американские исследователи всю ответственность возлагают исключительно на российские власти (в первую очередь, на Ростопчина), которые, движимые «варварскими» понятиями о патриотизме, сознательно обрекли столицу на уничтожение. Эта историографическая традиция идет от Наполеона. 20 сентября 1812 г., находясь в сожженной Москве, он написал русскому императору: «Красивый, великолепный город Москва не существует; Ростопчин ее сжег. 400 зажигателей пойманы на месте преступления; все они объявили, что жгли по приказанию губернатора и полицмейстера...» После выхода в 1823 г. книги Ростопчина, в которой он попытался снять с себя ответственность за пожар, по Европе прокатилась большая волна с обвинениями в его адрес, и с тех пор для европейских историков вопрос был уже «закрит». Версия Наполеона идеально «ложилась» на представления западноевропейцев о русском «варварстве».

Между тем, при обращении к свидетельствам очевидцев из числа наполеоновских солдат, причем к свидетельствам не мемуарного характера, но зафиксированных в письмах, отправленных домой прямо с пепелища русской столицы (цензуры в современном смысле этих писем не было), возникает более разноречивая картина. Лейтенант 25-го линейного полка Пароди утверждал, что поджигателями были 10 тыс. (!) русских, которым заплатил Александр I. Интендант Проспер полагал, что организовал поджог губернатор, но не исключал, что инициатива шла от русского императора. Солдат Маршал уверял, что это сделали «английские агенты», переодетые в русское платье и наводнившие столицу. Солдат 21-го линейного Пулашо полагал, что пожар был делом рук самих наполеоновских солдат, которые всюду, где бы ни проходили, сжигали все: «...войдя в Москву, мы сожгли этот старый город». Генерал Шарье, не говоря персонально о ком-либо, был убежден, что все это было организовано русскими войсками: «Русские варвары сожгли этот величественный и очень большой город. Все жители осуждают тиранию правительства, которое заставило всех покинуть его... И они сожгут, по видимому, и С.-Петербург в тот момент, когда [наша] армия приблизит-

ся». Самый замысловатый вариант предложил Пейрус, казначей главного штаба. По его мнению, план заманивания французов в Москву с последующим ее сожжением предложили англичане. Исполнителями стали русская императорская квартира, штаб и гарнизон города. Наиболее ревностно стремился к осуществлению этого плана командующий русской 1-й Западной Армией М.Б.Барклай де Толли. Александр I, желая предотвратить это варварство, вручил командование армиями Кутузову, отгеснив таким образом Баркляя. Но Кутузову все же не удалось предотвратить реализацию зловещего плана, так как в дело вмешался московский губернатор. При поддержке великого князя Константина и некоторых высокопоставленных лиц, он уничтожил город.

И все же в большинстве писем без труда можно увидеть преобладание версии о «русских варварах», которые, дескать, по самому определению являются преступниками. При обращении же к рядовым свидетелям со стороны русских (эту версию в конечном итоге принял и сам Ростопчин!) возникает эффект зеркального отражения французской версии!

Где же истина? А может ли вообще историческая истина применительно к такому событию, как грандиозный московский пожар (совершенное воплощение стихии!) быть односложной? Не об этом ли свидетельствует 200-летняя разногласица среди вначале современников и участников событий, а затем историков, литераторов и публицистов? Не были ли люди, участники и свидетели этого пожара, уже изначально настроенными на «свое» восприятие этого события, восприятие, обусловленное как их культурным и социальным кодом поведения, но также и неповторимым стечением жизненных обстоятельств? Не должно ли быть стремление историка проникнуть в детали прошлого и объяснить любой «казус» актом взаимодействия не с «объективной реальностью прошлого», но главным образом с ментальным и индивидуально-психологическим миром участников исторического акта?

Что же «микроистория»? В этом случае она становится важной как никогда. Сам смысл исторического исследования оказывается связан с собиранием микрочастиц прошлого в надежде (возможно, тщетной надежде) увидеть событие через взгляды тысяч глаз живших когда-то людей.

Ильченко В.Н. (Екатеринбург)

К итогам в изучении промышленного производства на Урале в годы Первой мировой войны

Новые тенденции в исследованиях истории уральской промышленности 1914-1918 гг. проявили себя достаточно настойчиво в историографии 1990-2003 годов. Тема является весьма дискуссионной и требует определенного историографического анализа.